

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.39>

Ширшикова Анна Александровна

ВНУТРЕННЯЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ ПРЕДЛОГА В1, ОФОРМЛЯЮЩЕГО ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ, И ПРЕДЛОГА В2, ОФОРМЛЯЮЩЕГО ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ, В РУССКОМ ОБЩЕЯЗЫКОВОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается проблема внутренней функционально-грамматической омонимии предлога В1, оформляющего винительный падеж, и предлога В2, оформляющего предложный падеж. Приводятся факты из истории изучения омонимов, подчеркивается недостаточная изученность явления омонимии. На примере "живого" практического материала, извлеченного из Национального корпуса русского языка, представляющего собой общезыковую дискурс, анализируются семантико-функциональные свойства предлога В. Получены выводы о том, что предлог В1, оформляющий винительный падеж, и предлог В2, оформляющий предложный падеж, являются омонимичными.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(89). Ч. 2. С. 409-416. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81'367.633

Дата поступления рукописи: 15.09.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-11-2.39>

В статье рассматривается проблема внутренней функционально-грамматической омонимии предлога B^1 , оформляющего винительный падеж, и предлога B^2 , оформляющего предложный падеж. Приводятся факты из истории изучения омонимов, подчеркивается недостаточная изученность явления омонимии. На примере «живого» практического материала, извлеченного из Национального корпуса русского языка, представляющего собой общезыковую дискурс, анализируются семантико-функциональные свойства предлога B . Получены выводы о том, что предлог B^1 , оформляющий винительный падеж, и предлог B^2 , оформляющий предложный падеж, являются омонимичными.

Ключевые слова и фразы: служебные слова; предлог; первообразные простые предлоги; внешняя и внутренняя омонимия; предложно-падежная конструкция; Национальный корпус русского языка; синкретизм значений.

Ширшикова Анна Александровна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
symphonie333@yandex.ru

ВНУТРЕННЯЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОМОНИМИЯ ПРЕДЛОГА B^1 , ОФОРМЛЯЮЩЕГО ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ, И ПРЕДЛОГА B^2 , ОФОРМЛЯЮЩЕГО ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ, В РУССКОМ ОБЩЕЯЗЫКОВОМ ДИСКУРСЕ

Работа выполнена в рамках официально признанной научной школы «Типы знаний и их вербализация в языках. Терминология и терминография». Протокол Президиума РАН № 408 от 27.05.2013 г.

Значимость служебных слов в целом и предлогов в частности трудно переоценить. У большинства языковедов не возникает сомнений в том, что служебные единицы являются необычайно важным звеном языковой системы. Еще Л. В. Щерба утверждал, что «знание строевых элементов важнее знания знаменательных» [22, с. 330]. А. М. Чепасова, говоря о роли предлогов, отмечает: «Без падежа и, в частности, без предлога существительное и другие части речи с предметным значением оставались бы лексическими единицами как элементами словаря» [18, с. 13].

Как известно, работы в области изучения предлогов ведутся уже на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Так, предлог как часть речи отмечен еще в трудах античных мыслителей; предлог находит отражение в восточнославянских и ранних русских грамматиках; в XVIII и XIX веках предлог уверенно занимает свою нишу в грамматиках М. В. Ломоносова, Ф. И. Буслаева, А. Х. Востокова и других ученых.

В современном языкознании над решением проблем, связанных с предложной тематикой, работали и продолжают работать многие отечественные и зарубежные лингвисты (в том числе В. В. Виноградов, О. С. Ахманова, А. М. Чепасова, Е. Т. Черкасова, О. М. Ким, Г. А. Золотова, Г. А. Шиганова, З. И. Комарова, С. В. Краев, К. Ванделуаз, П. Хоттенрот и др.).

Тем не менее, несмотря на очевидную важность и длительную историю исследования предлогов, ряд ученых сходятся во мнении, что на современном этапе развития языкознания в изучении предлогов по-прежнему наблюдается немало «белых пятен», а некоторые вопросы носят явно противоречивый характер, нуждаясь в теоретической доработке и проведении дальнейших практических изысканий. Так, Г. А. Шиганова подчеркивает, что «исследование семантики предлогов, их системных свойств и отношений – одна из актуальных проблем современной лингвистики» [20, с. 9].

Одним из таких нерешенных и крайне важных вопросов, требующих как можно более тщательного изучения и пристального внимания, вне сомнения, является омонимия предлогов.

Актуальность данной статьи состоит в том, что она вносит вклад в изучение семантики и функционирования первообразных простых предлогов и способствует решению проблемы предложной омонимии.

Новизна проводимого исследования заключается, во-первых, в том, что мы представляем комплексный подход к изучению явления функционально-грамматической омонимии в подсистеме первообразных простых предлогов (настоящая статья, однако, посвящена предлогам B^1 и B^2 , занимающим ядреную позицию в подсистеме); во-вторых, для анализа семантико-функциональных свойств и определения специфики предложной омонимии мы используем идеологию корпусной лингвистики, что позволяет получить представление обо всех особенностях **реального** проявления данного вида омонимии в общезыковом дискурсе (на примере Национального корпуса русского языка).

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении внутренней функционально-грамматической омонимии предлогов в русском общезыковом дискурсе, а именно того, что собой представляет данный вид омонимии и каким образом проявляется у первообразных простых предлогов, употребляющихся с разными падежами (на примере предлога B^1 , оформляющего винительный падеж, и предлога B^2 , оформляющего предложный падеж).

В соответствии с поставленной целью в статье решаются следующие **задачи**:

1. Обозначить теоретическую базу исследования, перечислить ключевые особенности иерархической системы значений первообразных простых предлогов.

2. Описать и классифицировать значения и функции предлога B^1 , оформляющего винительный падеж, и предлога B^2 , оформляющего предложный падеж, на разных уровнях иерархической семантической системы.

3. Сопоставить значения и функции указанных предлогов, определить наличие либо отсутствие общих сем для выявления и описания специфики внутренней функционально-грамматической омонимии.

Говоря об омонимии как таковой, отметим, что данное явление может по праву считаться одним из дискуссионных вопросов современной науки о языке. И если лексическая омонимия демонстрирует определенную степень изученности (хотя и не является окончательно решенной проблемой), то омонимия грамматическая отчетливо нуждается в проведении дальнейших исследований. Это утверждение особенно справедливо для грамматических омонимов среди служебных частей речи.

Вопрос о грамматической омонимии служебных слов был впервые поставлен в 1928 году Л. А. Булаховским [2]; разработка проблемы была продолжена академиком В. В. Виноградовым. Так, в работе «О грамматической омонимии в современном русском языке» В. В. Виноградов описывает грамматические омонимы среди знаменательных частей речи, а также устанавливает ряд критериев для их определения [3].

Что касается грамматической омонимии среди служебных частей речи, В. В. Виноградов затрудняется с конкретными критериями, однако признает существование данного вида омонимии у служебных слов, подчеркивая следующее: «одно и то же слово иногда выступает в таких грамматических функциях, которые настолько далеки, что должны быть признаны по существу своему омонимичными» [Там же, с. 32]. В другой работе – «О некоторых вопросах теории русской лексикографии» – В. В. Виноградов развивает данную мысль и впервые заявляет о возможности омонимии среди первообразных предлогов, употребляющихся с несколькими падежами [4, с. 258].

Отметим, что изучение предложной омонимии является необычайно важным вопросом для целого ряда направлений современной лингвистической науки, включая лексикологию, грамматику, лингводидактику, переводческую деятельность и языкознание в целом; особую значимость решение данного вопроса представляет для лексикографической практики, в которой на сегодняшний день отсутствует единый способ поддачи значений предлогов, употребляющихся с разными падежами; решение проблемы предложной омонимии способствует дальнейшей разработке семантики предлога.

Об исключительной важности изучения особенностей предложной семантики пишет М. В. Всеволодова, которая подчеркивает, что на рубеже XX-XXI веков в научной среде произошел существенный рост интереса к исследованию служебных слов, что подтверждается открытием в 2003 году дискуссии по проблеме «Категории служебных слов в современной лингвистической парадигме» на страницах «Вестника Московского университета» [5, с. 17].

Важно отметить, что в последние десятилетия ряд лингвистов (Г. А. Шиганова, А. М. Чепасова, А. И. Авдина, Л. А. Милованова и др.) все чаще говорят об омонимии предлогов, способных употребляться более чем с одним падежом имени, но при этом в современном языкознании по-прежнему не существует работ, посвященных по-настоящему всестороннему рассмотрению явления омонимии в системе предлога в целом и в подсистеме первообразных предлогов. Наше исследование является попыткой исправить сложившуюся ситуацию.

В данной статье рассматривается явление внутренней функционально-грамматической омонимии предлогов. Отметим, что под функцией нами понимается не синтаксическая роль слова как члена предложения (диагностическим признаком служебного слова, как известно, является его синтаксическая несамостоятельность), а та роль, которую предлог играет в процессе коммуникации, при формировании реляционной структуры предложения и текста в целом [13, с. 16].

Поясним понятия внутренней и внешней омонимии, которые мы активно применяем в нашем исследовании. Они были введены З. И. Комаровой в ходе анализа терминов-омонимов внутри одной термин-системы, с одной стороны, и терминов и омоструктурных общенародных слов – с другой [8, с. 103-104]. Впоследствии эти понятия также использовались З. И. Комаровой и С. В. Краевым в процессе исследования поля предлогов в подязыке информатики [9]. Указанные понятия применены Г. А. Шигановой при анализе системы лексических и фразеологических предлогов русского языка [20, с. 211].

Так, говоря о внешней омонимии предлогов, мы имеем в виду омонимичные сочетания предлогов и других частей речи. Этот вид омонимии рассматривается нами в статье «Специфика внешней функционально-грамматической омонимии предлогов в русском общеязыковом дискурсе» [21]. В настоящей статье мы не рассматриваем явление внешней омонимии.

Явление внутренней омонимии предлогов, как следует из названия, наблюдается внутри самого поля предлогов [10, с. 150]. Данная статья посвящена именно внутренней функционально-грамматической омонимии первообразных простых предлогов B^1 и B^2 .

Перечислим ряд ключевых положений, на которых основывается **теоретическая база** нашего исследования, используемая и в настоящей статье:

1. Теория частей речи и знаменательности-служебности дает возможность признать предлог словом, т.е. лексико-грамматической единицей языка и ядерной служебной частью речи [10].

2. В теории формального, коммуникативного и семантического синтаксиса мы придерживаемся вербоцентрической концепции предложения / высказывания, при этом в качестве наиболее значимого признака предлога мы рассматриваем его семантико-функциональный признак.

3. Учение о падеже, словоизменении, склонении, формообразовании, флексиях и словосочетаниях (А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, Е. Курилович, А. А. Зализняк, Т. В. Булыгина, С. Д. Кацнельсон, Н. Ю. Шведова, С. А. Крылов, Е. В. Клобуков, Р. О. Якобсон, Ч. Филлмор и др.) позволяет выявить, во-первых, то, что предлог функционирует в условиях двусторонних синтаксических связей:

связь справа – имя в падежной форме, связь слева – глагол (в любой форме) или имя; во-вторых, предлог непосредственным образом связан с категорией падежа, а также с флексиями. В сочетании с падежом имен существительных предлог образует целостную предложно-падежную конструкцию.

4. Падежная, или «ролевая», грамматика, а также теория валентностей (Ч. Филлмор, У. Л. Чейф, Е. Курилович, Д. Хельберг, Р. О. Якобсон, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, В. З. Демьянков, Г. А. Золотова, С. Д. Кацнельсон, М. Д. Степанова и др.) дают возможность создать методику выявления актантов и сирконстантов (термины Л. Теньера) для уточнения семантико-функциональных свойств первообразных предлогов.

5. Теория предлога, полисемантичность и синкретизм предлога (А. М. Бабкин, Р. А. Будагов, М. В. Всеволодова, М. В. Ляпон, С. Е. Никитина, Г. Г. Почепцов, Н. Ю. Шведова, Е. И. Шендельс, Г. А. Тер-Авакян, Е. А. Рейман, Э. Бенвенист, А. Вежбица, Ч. Филлмор и др.), что рассматривается нами в рамках интерпретационной семантики [12, с. 106].

6. Все вышеприведенные теории и учения позволяют прийти к выводу о том, что лексико-грамматическое значение предлога представляет собой сложную иерархическую систему компонентов разного ранга:

– категориальное значение релятивности – отношение подчинения; отметим, что категориальная сема является самой общей, т.е. именно ей подчинены все остальные семы;

– субкатегориальные значения используются с целью конкретизации категориального значения и способны передавать обстоятельственные, объектные и определительные отношения (Г. А. Шиганова, М. В. Биньковская, В. С. Бондаренко, М. В. Всеволодова, В. Н. Ерхов, А. А. Загнитко, Е. В. Гальченко, З. И. Комарова, С. В. Краев, Л. И. Ушакова, Т. А. Пантелеева и др.);

– групповые и подгрупповые значения являются еще менее общими и используются для дальнейшего уточнения и дифференциации субкатегориальных значений (Т. Е. Черкасова, М. В. Всеволодова, М. В. Биньковская, Т. А. Пантелеева, Л. А. Милованова, Л. Г. Шibaкова и др.);

– мини-значения и дифференциальные значения, которые являются наименее общими (Т. А. Пантелеева, Л. Г. Шibaкова и др.).

7. Теория грамматической омонимии знаменательных и служебных слов, в том числе предлогов (Л. В. Булаховский, В. В. Виноградов, О. М. Ким, З. И. Комарова, С. В. Краев, В. В. Морковкин и др.), позволила обозначить проблему внешней и внутренней омонимии предлогов.

Основные положения методологии и методики нашего исследования обозначены в работе «Теоретико-методологические основы изучения функционально-грамматической омонимии первообразных предлогов в русском общезыковом дискурсе» [11], что дает нам право в данной статье не останавливаться на этом вопросе.

Важно отметить, что предлог *В* обладает рядом характеристик, которые являются **ключевыми** для нашего исследования:

1. Предлог *В* относится к подполю первообразных простых предлогов, которые представляют собой древнейшую категорию предлогов по происхождению. Таким образом, в современном русском языке нельзя найти знаменательных слов, которые сохраняют живые мотивационные отношения с указанными предлогами. Кроме того, в современном языке не происходит образования новых первообразных предлогов, в результате чего первообразные предлоги являются закрытой подсистемой, которую можно анализировать полностью.

2. Предлог *В* относится к числу предлогов, которые способны употребляться более чем с одним падежом имени.

3. В качестве одной из особенностей, присущих большинству первообразных простых предлогов, можно обозначить высокую частотность их употребления. Тем не менее даже в рамках указанной категории предлог *В* является ультрачастотным, находясь на первом месте по частотности среди всех первообразных простых предлогов [10, с. 245; 14; 17, с. 76], что свидетельствует о широкой употребительности данного предлога.

Отметим, что общее количество первообразных простых предлогов, которые мы подвергаем анализу в нашем исследовании, равно 22. В качестве эмпирической базы мы используем Национальный корпус русского языка [16] (далее – НКРЯ), откуда нами извлечено и проанализировано 100 000 высказываний с первообразными простыми предлогами; при этом почти треть материала в нашей выборке (30 154 употребления, или 30,15%) приходится на высказывания с предлогом *В*. Таким образом, наш материал из НКРЯ полностью подтверждает факт ультрачастотности данного предлога и говорит о ядерном его положении среди всех первообразных предлогов.

Тем не менее, несмотря на ультрачастотность и ядерный статус предлога *В*, проведенный нами анализ научной литературы позволяет прийти к выводу о том, что семантика данного предлога демонстрирует недостаточную изученность на современном этапе развития языкознания. Так, существующие работы по предлогу *В* являются немногочисленными и по большей части не носят системного характера (данное утверждение особенно справедливо в отношении предлога *В*², оформляющего предложный падеж).

Среди научных работ, затрагивающих семантические свойства и особенности употребления предлога *В*, нам представляется наиболее убедительным исследование Л. Г. Шibaковой «Конструкция “*В* + имя существительное в винительном падеже” в современном русском языке: семантика и функционирование» [19], в котором представлена классификация обстоятельственных, объектных и атрибутивных значений, выражаемых данной конструкцией. В качестве языкового материала для исследования Л. Г. Шibaкова использует картотеку из 5 837 употреблений предлога *В* с винительным падежом, извлеченных из ряда художественных и публицистических источников.

В ходе нашего анализа употребления конструкции « B^1 + имя в винительном падеже» мы считаем возможным опираться на представленную в работе Л. Г. Шибаковой классификацию значений, однако используем модифицированную методику анализа с учетом идеологии корпусной лингвистики, что дает нам возможность уточнить реальную степень употребимости групповых, подгрупповых и мини-объединений с предлогом B^1 на нашем материале из НКРЯ, представляющего собой общезыковой дискурс; использование НКРЯ также позволяет нам выявить некоторое количество групповых и подгрупповых объединений в дополнение к классификации, представленной Л. Г. Шибаковой.

Что касается конструкции « B^2 + имя в предложном падеже», в своей работе мы также берем за основу предложенную Л. Г. Шибаковой методику, но несколько видоизменяем ее для предлога B^2 и проводим исследование с учетом идеологии корпусной лингвистики, анализируя то, каким образом данная конструкция функционирует в НКРЯ, т.е. в общезыковом дискурсе.

Перейдем к более детальному рассмотрению практических результатов нашего исследования.

Как было указано нами ранее, на категориальном уровне членения семантико-грамматической структуры все предлоги выражают самое общее значение *релятивности*. Категориальный уровень является поверхностным, т.е. первым уровнем.

Что касается субкатегориального (второго) уровня, наш анализ материала из НКРЯ свидетельствует о том, что конструкция « B^1 + имя в винительном падеже» и конструкция « B^2 + имя в предложном падеже» могут выражать все три типа субкатегориальных значений: обстоятельственные, объектные и атрибутивные.

Необходимо отметить, что в ходе нашего исследования мы столкнулись со значительным числом случаев синкретичных значений, при этом синкретизм характерен для обеих рассматриваемых нами конструкций. Под синкретизмом нами понимается «совмещение (синтез) в одном члене предложения дифференциальных признаков разных членов предложения» [1, с. 244]. Ученые выделяют различное количество факторов, лежащих в основе синкретизма, однако в качестве одного из основных можно обозначить несоответствие между формой и содержанием языковой единицы. Наше исследование показывает, что обстоятельственные, объектные и атрибутивные значения, выражаемые конструкциями с предлогами B^1 и B^2 , встречаются в чистом виде относительно нечасто. В процессе анализа мы указываем наличие синкретичного значения в тех случаях, где оно является наиболее очевидным, но при этом подразумеваем, что синкретизм значений в той или иной степени присутствует в большинстве примеров.

Рассмотрим некоторые примеры употребления конструкции « B^1 + имя в винительном падеже» и конструкции « B^2 + имя в предложном падеже» в субкатегории со значением «**указания на обстоятельственные отношения**», которая является наиболее продуктивной: в нашей выборке материала из общезыкового дискурса (на примере НКРЯ) на данную субкатегорию приходится 81,3% и 75,7% от общего количества употреблений указанных конструкций соответственно.

Пример 1. *Похоже, несмотря на неусыпную бдительность железной Аси, в здание проник некто неадекватный* (Евгений Лукин. Грехи наши тяжкие. 2013) [16].

Пример 2. *В угловой башне была келья испанской военной тюрьмы* (В. Г. Короленко. Мгновение. 1900) [Там же].

В Примере 1 конструкция « B^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения, группового *пространственного* значения и подгруппового значения «*указания на здания, помещения либо части зданий, внутрь или в пределы которых направлено действие либо движение*» (*директивная функция*).

В Примере 2 конструкция « B^2 + имя в предложном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения, группового *пространственного* значения и подгруппового значения «*указания на здания, помещения, либо части зданий, внутри или в пределах которых осуществляется какое-либо действие или движение, кто- или что-либо находится или происходит*» (*локативная функция*).

В обоих случаях мы имеем дело с синкретичным характером значений, поскольку в примерах, помимо обстоятельного пространственного значения, присутствует дополнительное объектное значение: *проник* (куда? во что?) *в здание*; *келья была* (где? в чем?) *в башне*.

Пример 3. *Покидаешь ты нас, оставляешь сиротинками, отправляют тебя в чужую страну воевать с лютыми врагами* (Л. А. Чарская. Король с раскрашенной картинки. 1912) [Там же].

Пример 4. *В стране существует огромное количество контролирующих и надзирающих органов* (Игорь Петрухин. Исторический очерк деятельности прокуратуры // Отечественные записки. 2003) [Там же].

В Примере 3 конструкция « B^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения, группового *пространственного* значения, подгруппового значения «*указания на место, пункт, в сторону которого направлено действие либо движение, или на место, пункт, являющийся конечным пунктом движения*» и мини-значения «*указания на административную единицу, внутрь или в пределы которой направлено действие либо движение*» (*директив с финитивным оттенком*).

В Примере 4 конструкция « B^2 + имя в предложном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения, группового *пространственного* значения, подгруппового значения «*указания на место, внутри или в пределах которого осуществляется какое-либо действие или движение*» и мини-значения «*указания на административную единицу или географический объект, имеющий большую протяженность в пространстве, внутри или в пределах которого кто- или что-либо находится или происходит*» (*локативная функция*).

Пример 5. *Утка! в душный летний день я, бывало, купался в водах твоих! по твоей гладкой поверхности спускал кораблики!* (И. И. Панаев. Раздел имения. 1850-1860) [Там же].

Пример 6. *В детстве за ними приглядывал, особенно за совсем маленькими* (Александр Чудодеев. Расписание на завтра // Итоги. 2003. 4 февраля) [Там же].

В Примере 5 конструкция « B^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельственного* значения, группового *временного* значения, подгруппового значения «указания на время, срок совершения какого-либо действия» и мини-значения «указания на природные явления, условия осуществления чего-либо, поведения кого-либо, во время которых, при наличии которых что-либо происходит» (темпоративная функция с кондициональным оттенком). Как видим, в данном случае мы сталкиваемся с явлением синкретизма значений: помимо доминирующего временного значения, конструкция « B^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения дополнительного, но ярко выраженного значения обстановки, ситуации либо условий, в которых протекает действие.

В Примере 6 конструкция « B^2 + имя в предложном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельственного* значения, группового *временного* значения и подгруппового значения «указания на временной отрезок, период времени, в который происходит какое-либо действие либо движение» (темпоративная функция).

Как видно из вышеуказанных примеров, обе конструкции способны употребляться в субкатегории обстояательства и передавать пространственные и временные групповые обстоятельственные значения. Это означает, что в данном случае мы можем обнаружить разницу в передаваемых значениях только с четвертого либо пятого уровня членения семантико-грамматической структуры, т.е. с уровня подгрупповых или мини-объединений.

Наш анализ материала, извлеченного из НКРЯ, показывает, что пространственные значения находятся на первом месте по продуктивности в обстоятельственной субкатегории. Так, в случае с конструкцией « B^1 + имя в винительном падеже» на семантическую группу с пространственным значением в нашем исследовании приходится 73,4% от общего числа употреблений данной конструкции в субкатегории обстояательства. В случае с конструкцией « B^2 + имя в предложном падеже» на пространственную семантическую группу в нашей работе приходится 74,7% от общего количества употреблений конструкции в рассматриваемой субкатегории.

По данным нашего исследования, временные значения занимают второе место по продуктивности в субкатегории обстояательства: в нашем анализе семантики конструкции « B^1 + имя в винительном падеже» на группу с временным значением приходится 20,9% от всех употреблений данной конструкции в рассматриваемой субкатегории; в случае с конструкцией « B^2 + имя в предложном падеже» на временную семантическую группу приходится 15,6% от всех употреблений конструкции в субкатегории.

Отметим, что в исследовании Л. Г. Шибаковой, посвященном семантике и функционированию предлога *В* с винительным падежом, групповые объединения с пространственным и временным значениями также находятся на первом и втором месте по продуктивности (71,6% и 23,6% от общего числа употреблений конструкции в рассматриваемой субкатегории) [19]. Таким образом, данные обоих исследований в целом совпадают, однако в нашем анализе материала из НКРЯ пространственная группа является чуть более продуктивной, а временная группа – несколько менее продуктивной по сравнению с работой Л. Г. Шибаковой.

Остальные групповые объединения, которые можно выделить при анализе семантических свойств и функционирования конструкции « B^1 + имя в винительном падеже» и конструкции « B^2 + имя в предложном падеже» в субкатегории с обстоятельственным значением, по данным нашего исследования, являются относительно малопродуктивными.

Так, наше исследование материала в общезыковом дискурсе позволяет, вслед за Л. Г. Шибаковой, обозначить следующие малопродуктивные групповые объединения с обстоятельственным значением, выражаемые конструкцией « B^1 + имя в винительном падеже»: 1) образа и способа действия; 2) цели (финитивных отношений); 3) меры и степени; 4) количества. Тем не менее в нашем анализе материала из НКРЯ некоторые групповые объединения демонстрируют продуктивность, отличную от результатов, полученных Л. Г. Шибаковой. Так, в нашей выборке групповое объединение со значением образа и способа действия является несколько более продуктивным: 3,2% от общего числа употреблений рассматриваемой конструкции в обстоятельственной субкатегории против 2,7% в работе Л. Г. Шибаковой [Там же, с. 96].

В результате анализа семантики конструкции « B^2 + имя в предложном падеже» мы выделяем в субкатегории обстояательства две малопродуктивные семантические группы: 1) условия либо ситуации (обстановки); 2) состояния.

Рассмотрим некоторые примеры малопродуктивных семантических групп в субкатегории со значением «указания на обстоятельственные отношения»:

Пример 7. *В таких случаях применялась известная хитрость: после того как послы проезжали мимо, за спиной у них стрельцы боковыми улицами незаметно забежали вперед и снова строились в ряды* (Л. Юзефович. От границы до Москвы // Наука и жизнь. 2008) [16].

Пример 8. *Таким вопросом задается каждый человек, собирающийся в путешествие по стране* (Федор Беркутов. Куда хочу, туда качу // Туризм и образование. 2000. 15 июня) [Там же].

Пример 9. *Сейчас Эрида располагается примерно в три раза дальше от Солнца, чем Плутон, на расстоянии 97 астрономических единиц от нашего светила* (Александр Грудинкин. Близнецы // Знание – сила. 2012) [Там же].

Пример 10. *Развернув, предъявила портрет молодого военного, который оценила в сто пятьдесят рублей* (И. Л. Андроников. Портрет. 1962) [Там же].

Пример 11. *В то время чистые лирики, как известно, были уже в загоне, а в почете оказались как раз физики* (Юрий Богомолов. Как посмотреть, да посравнить... // Известия. 2002. 26 апреля) [Там же].

Пример 12. – Я... Я просто не предполагал, – Чухарев в смятении покосился на бумаги, эмиг утратившие какой-либо смысл (Александр Терехов. Каменный мост. 1997-2008) [Там же].

В Примере 7 конструкция « V^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения, группового значения *образа и способа действия* и подгруппового значения «*указания на форму, вид, которые приобретает кто- или что-либо в результате какого-либо действия*» (функция образа действия с директивно-финитивным оттенком).

В Примере 8 конструкция « V^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения, группового значения *финитивных отношений* и подгруппового значения «*указания на деятельность, с целью осуществления которой осуществляется действие либо движение*» (финитивная функция).

В Примере 9 конструкция « V^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения, группового значения *меры и степени* и подгруппового значения «*указания на кратность соотношения величин*» (квантитативно-компаративная функция).

В Примере 10 конструкция « V^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения, группового *количественного* значения и подгруппового значения «*указания цены чего-либо*» (дименсивная функция).

В Примере 11 конструкция « V^2 + имя в предложном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения, группового значения *условия либо обстановки (ситуации)* и подгруппового значения «*указания на положение, занимаемое кем- или чем-либо в группе лиц, общественное значение, которое кто- или что-либо имеет в определенный временной период*» (ситуативная функция с модальным оттенком). В роли управляемого слова в подгрупповом объединении с указанным значением выступают имена существительные *цена, мода, почет, честь, упадок, запустение* и т.п.

В Примере 12 конструкция « V^2 + имя в предложном падеже» используется для выражения субкатегориального *обстоятельного* значения и группового значения психического, эмоционального либо физического *состояния*, в котором кто-либо находится, совершает какое-либо действие или движение (статусный признак).

Как видим, все вышеприведенные примеры относятся к субкатегории со значением «указания на обстоятельные отношения», однако на третьем уровне членения семантико-грамматической структуры, т.е. на уровне групповых объединений, разница в значениях становится очевидной.

Таким образом, наше исследование материала из НКРЯ, представляющего собой общеязыковой дискурс, позволяет прийти к выводу о том, что каждая из рассматриваемых конструкций обладает собственным, непересекающимся кругом малопродуктивных групповых обстоятельных значений.

Далее обозначим некоторые случаи употребления конструкции « V^1 + имя в винительном падеже» и конструкции « V^2 + имя в предложном падеже» в субкатегории со значением «указания на объектные отношения», которая занимает второе место по продуктивности в нашем исследовании: по данным анализа материала из НКРЯ, на субкатегорию с указанным значением приходится 15,4% и 19,5% от общего количества употреблений рассматриваемых конструкций соответственно. Таким образом, конструкции с предлогами V^1 и V^2 могут считаться достаточно продуктивным способом выражения объектных отношений. Рассмотрим следующие примеры:

Пример 13. *Они были отважны и метки, но слишком уж верили в силу оружия, которая, если честно, ничтожна перед силами природы* (Александр Дорофеев. Эле-Фантик // Мурзилка. 2003) [Там же].

Пример 14. *Но те, кто понимает в ракетных топливах, будут работать по этой тематике* (Дан Медовников, Александр Механик. Свобода науки как государственная необходимость // Эксперт. 2013) [Там же].

В Примере 13 конструкция « V^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального *объектного* значения, группового значения «*указания на делиберативные отношения*» и подгруппового значения «*указания на веру объекта во что-либо*» (делиберативная функция). Отметим, что управляющим словом в конструкции с указанным значением, помимо глаголов *верить, веровать*, может являться отглагольное имя существительное *вера*. Если в качестве управляющего слова выступает отглагольное существительное *вера*, конструкция приобретает синкретичное объектно-атрибутивное значение: *вера* в кого / во что?; *вера* какая?

В Примере 14 конструкция « V^2 + имя в предложном падеже» используется для выражения субкатегориального *объектного* значения и группового значения «*указания на область либо сферу деятельности, род занятий, пределы реализации какого-либо признака или действия*» (лимитативная функция).

Пример 15. *Долго смотрел ему в глаза: вот ты выбьешься в ученые – не продашь меня?* (Владимир Дудинцев. Белые одежды. Вторая часть. 1987) [Там же].

Пример 16. *Тебя заносит в его компьютер, и пока ты числишься в должниках, прощайся с покоем* (Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание. 1999-2000) [Там же].

В Примере 15 конструкция « V^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального *объектного* значения и группового значения «*указания на вступление субъекта в какую-либо должность, категорию, группу лиц*» (комитативно-директивная функция с финитивным оттенком).

В Примере 16 конструкция « V^2 + имя в предложном падеже» используется для выражения субкатегориального *объектного* значения и группового значения «*указания на принадлежность лица к какой-либо категории, группе лиц*» (комитативно-локативная функция).

Как следует из вышеуказанных примеров и как показывает проведенный нами анализ материала из общезыкового дискурса (на примере НКРЯ), каждая из рассматриваемых конструкций обладает собственным кругом объектных значений, однако зафиксировать данную разницу в значениях мы можем только с третьего (в некоторых случаях – с четвертого) уровня членения семантико-грамматической структуры. Так, на субкатегориальном уровне и конструкция « B^1 + имя в винительном падеже», и конструкция « B^2 + имя в предложном падеже» могут использоваться для выражения общего значения «указания на объектные отношения». Тем не менее на более глубоких уровнях иерархической структуры разница в выражаемых значениях становится ярко выраженной.

Отметим, что результаты нашего анализа употребления конструкции « B^1 + имя в винительном падеже» с объектным значением в целом сопоставимы с данными исследования Л. Г. Шibaковой, однако наблюдается ряд отличий. Например, в работе Л. Г. Шibaковой на групповое объединение со значением «указания на вступление субъекта в какую-либо должность, категорию, группу лиц» приходится 12,3% от всех употреблений конструкции в субкатегории [19, с. 127], в то время как в нашем исследовании материала из общезыкового дискурса данное объединение содержит только 7% примеров и занимает предпоследнее место по продуктивности среди групп с объектным значением.

Далее рассмотрим некоторые случаи употребления конструкции « B^1 + имя в винительном падеже» и конструкции « B^2 + имя в предложном падеже» в субкатегории со значением «указания на атрибутивные отношения», на которую, по данным нашего анализа материала из НКРЯ, приходится 3,3% и 4,8% от общего числа употреблений рассматриваемых конструкций соответственно. Полученный результат свидетельствует о том, что указанные конструкции являются относительно малопродуктивным способом выражения атрибутивных отношений. Проанализируем следующие примеры:

Пример 17. Из глубины своей дорожной сумки он вынул школьную **тетрадь в линейку**, вырвал из нее лист, оглянулся по сторонам; в его обкусанных пальцах появилась шариковая ручка (И. Грекова. В вагоне. 1983) [16].

Пример 18. – «*Рыжий Теркин и внук!* **Поэма в двух частях!** Книга с автографом автора (Картинки из живых москвичей // Столица. 1997. 1 июля) [Там же].

В Примере 17 конструкция « B^1 + имя в винительном падеже» используется для выражения субкатегориального **атрибутивного** значения и группового значения «указания на узор на поверхности предмета» (**квалитативная функция**). В качестве управляемого слова в конструкциях с указанным значением могут выступать имена существительные *клеточка, цветочек, полоска, линейка* и т.п.

В Примере 18 конструкция « B^2 + имя в предложном падеже» используется для выражения субкатегориального **атрибутивного** значения и группового значения «указания на количество частей, единиц, из которых что-либо состоит» (**партитивно-квантитативная функция**). В данном случае мы имеем дело с явлением синкретизма значений, поскольку, помимо субкатегориального атрибутивного значения, конструкция выражает дополнительное объектное значение: *поэма* (какая? в чем?) *в двух частях*.

Проведенный нами анализ употребления предложно-падежных конструкций с предлогами B^1 и B^2 в атрибутивной субкатегории позволяет утверждать, что каждая из конструкций обладает собственным кругом атрибутивных значений, однако зафиксировать данную разницу в значениях мы можем не на поверхностных уровнях иерархической структуры, а только с уровня групповых объединений.

Результаты нашего анализа употребления конструкции « B^1 + имя в винительном падеже» с атрибутивным значением являются сопоставимыми с данными Л. Г. Шibaковой, однако наше исследование позволило уточнить реальную продуктивность атрибутивных групповых объединений в общезыковом дискурсе. Кроме того, наш анализ материала из НКРЯ позволяет выделить групповое объединение со значением «указания на узор на поверхности предмета», не представленное в классификации Л. Г. Шibaковой.

Мы обозначили основные результаты нашего анализа употребления конструкции « B^1 + имя в винительном падеже» и конструкции « B^2 + имя в предложном падеже» в общезыковом дискурсе. Подведем некоторые итоги.

Во-первых, еще раз подчеркнем, что в процессе нашего анализа употребления конструкции « B^1 + имя в винительном падеже» мы опирались на классификацию значений, предложенную Л. Г. Шibaковой, но использование материала, извлеченного из НКРЯ, представляющего собой общезыковой дискурс, позволило нам выявить важные особенности **реального** употребления данной конструкции, а также обозначить некоторое число групповых и подгрупповых объединений, не представленных в классификации Л. Г. Шibaковой. В ходе анализа конструкции « B^2 + имя в предложном падеже» мы также применили предложенную Л. Г. Шibaковой методику исследования, но модифицировали ее для предлога B^2 и провели анализ значений, используя идеологию корпусной лингвистики и «живой» материал из НКРЯ.

Во-вторых, наше исследование материала из НКРЯ показало, что для обеих рассмотренных нами конструкций характерно явление синкретизма значений.

В-третьих, проведенный нами анализ значений, выражаемых конструкцией « B^1 + имя в винительном падеже» и конструкцией « B^2 + имя в предложном падеже», показал, что каждая из конструкций обладает собственным кругом обстоятельственных, объектных и атрибутивных значений и функций, однако обнаружить данную разницу в значениях мы можем только с третьего, а часто – с четвертого либо пятого уровня членения семантико-грамматической структуры. Полагаем, что именно данное обстоятельство является одним из основных факторов, влияющих на то, что даже на современном этапе развития языкознания далеко не все исследователи обращают внимание на омонимию предлогов, употребляющихся более чем с одним падежом имени.

Таким образом, мы рассмотрели специфику функционально-грамматической омонимии предлога B^1 , оформляющего винительный падеж, и предлога B^2 , оформляющего предложный падеж, в русском общезыковом

дискурсе. Для этого мы перечислили основные положения теоретической базы нашего исследования, в том числе обозначили особенности иерархической системы значений предлогов; описали и классифицировали значения и функции рассматриваемых предлогов; сопоставив семантические свойства предлога B^1 и предлога B^2 на разных уровнях системы значений, мы пришли к выводу, что данные предлоги являются *омонимичными*, т.е. представляют собой по сути два разных предлога, каждый со своим определенным кругом значений.

Список источников

1. **Бабайцева В. В.** Система членов предложения в современном русском языке: монография. М.: Флинта; Наука, 2011. 496 с.
2. **Булаховский Л. А.** Из жизни омонимов // Русская речь. 1928. Вып. 3. С. 47-60.
3. **Виноградов В. В.** О грамматической омонимии в современном русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 13-32.
4. **Виноградов В. В.** О некоторых вопросах теории русской лексикографии // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 243-264.
5. **Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А.** К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 2. С. 17-59.
6. **Золотова Г. А.** Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Едиториал УРСС, 2011. 440 с.
7. **Комарова З. И.** Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: Флинта; Наука, 2017. 820 с.
8. **Комарова З. И.** Семантические проблемы русской отраслевой терминологии: дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 1991. 402 с.
9. **Комарова З. И., Краев С. В.** Внешняя и внутренняя омонимия предлогов, функционирующих в подъязыке информатики // Язык. Система. Личность: сборник научных статей. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2007. С. 75-87.
10. **Комарова З. И., Краев С. В.** Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2008. 304 с.
11. **Комарова З. И., Ширшикова А. А.** Теоретико-методологические основы изучения функционально-грамматической омонимии первообразных предлогов в русском общезыковом дискурсе // Вестник Пятигорского государственного университета. 2017. № 4. С. 42-47.
12. **Крейдлин Г. Е., Поливанова А. К.** О лексикографическом описании служебных слов русского языка // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 106-120.
13. **Левицкий Ю. А.** Основы теории синтаксиса: учебное пособие по спецкурсу. М.: Едиториал УРСС, 2002. 236 с.
14. **Ляшевская О. Н., Шаров С. А.** Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.
15. **Морковкин В. В., Луцкая Н. М., Богачева Г. Ф. и др.** Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы. М.: Астрель; АСТ, 2003. 421 с.
16. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 02.09.2018).
17. **Частотный словарь русского языка** / под ред. Л. Н. Засориной. М.: Русский язык, 1977. 936 с.
18. **Чепасова А. М., Голошапова Т. Г., Павлова Н. А.** Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2007. 176 с.
19. **Шибаква Л. Г.** Конструкция « B + имя существительное в винительном падеже» в современном русском языке: семантика и функционирование: дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2007. 174 с.
20. **Шиганова Г. А.** Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: дисс. ... д. филол. н. Челябинск, 2001. 621 с.
21. **Ширшикова А. А.** Специфика внешней функционально-грамматической омонимии предлогов в русском общезыковом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). Филологические науки. Вып. 113. С. 210-218.
22. **Щерба Л. В.** Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.

INTERNAL FUNCTIONAL-GRAMMATICAL HOMONYMY OF THE PREPOSITION B^1 GOVERNING THE ACCUSATIVE CASE AND THE PREPOSITION B^2 GOVERNING THE PREPOSITIONAL CASE IN THE RUSSIAN NATIONAL DISCOURSE

Shirshikova Anna Aleksandrovna

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg
symphonie333@yandex.ru*

The article examines the problem of the internal functional-grammatical homonymy of the preposition B^1 governing the accusative case and the preposition B^2 governing the prepositional case. The paper dwells on the history of studying homonyms, emphasizes the insufficient understanding of the homonymy phenomenon. Using “living” examples taken from the Russian National Corpus, appearing as a universal linguistic discourse, the author analyses semantic and functional features of the preposition B (*in*). The findings lead to the conclusion that the prepositions B^1 and B^2 are homonymous.

Key words and phrases: auxiliary words; preposition; prototypal simple prepositions; external and internal homonymy; prepositional-casal construction; Russian National Corpus; syncretism of meanings.